

ЛЕВ ПУЧКОВ

УБОЙНАЯ
СИЛА

СПЕЦНАЗ В ЧЕЧНЕ

КРОВНИК

КРОВНИК

Лев ПУЧКОВ
Убойная сила

«ЭКСМО»

1997

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Пучков Л. Н.

Убойная сила / Л. Н. Пучков — «Эксмо», 1997 — (Кровник)

ISBN 5-04-009047-1

Заплатят все. Все, кто обидел, предал, ушел от правосудия. Потому что функции Правосудия теперь взял на себя отряд в десять человек. Вернее сказать, команда из десяти мужиков, слаженная команда, понимающая друг друга с полувзгляда: бывший полковник ФСБ Шведов, бывший офицер ВВ Иванов, он же Сыч, и восемь не пригодившихся на гражданке специалистов ратного дела, выброшенных из ВС за ненадобностью. В одиночку они ничто, вместе – убойная сила. Книга также выходила под названием «Нештатная ситуация» и «Десять бойцов».

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-009047-1

© Пучков Л. Н., 1997
© Эксмо, 1997

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лев Пучков

Убойная сила

Глава 1

Сержант умирал... Через прицел «СВД»¹, которую я забрал у раненного в голову Храпуна, можно было рассмотреть лишь треть пожарной бочки, валявшейся за проломом в кирпичном заборе автобазы, – на эту бочку сержант Леший рухнул минуты две назад и перестал двигаться.

С того места, где я сидел, виднелась голова Лешего, а также его окровавленная левая рука, пальцы которой крепко вцепились в край бочки и, конвульсивно сжимаясь в последнем усилии, пытались еще хоть чуть-чуть подтащить большое сильное тело вперед, к своим пацанам.

Правая рука у моего сержанта отсутствовала вместе с плечом – из огромной развороченной раны замедляющимися толчками высачивалась темная густая кровь, обильно орошая бочку и выщербленные осколками кирпичи.

Я уже был не в состоянии помочь Лешему – с такими ранами люди живут не более десяти минут. Я даже не мог забрать своего сержанта и перетащить его к нам в подвал – для этого пришлось бы под шквальным огнем преодолеть примерно 70 метров по открытой местности и вернуться обратно. Семьдесят метров – это вроде бы мизер. Пятилетний ребенок пробежит такое расстояние секунд за двадцать и даже не запыхается, если по нему не будут вести кинжальный огонь с трех десятков точек... А здесь нужен был танк: ежели хорошенько разогнаться из-за здания школы, можно моментом проскочить через площадь и вломиться во двор автобазы, сокрушив кирпичный забор, – гранатометчики наверняка не успеют прицелиться.

Увы, танка у меня не было. Зато у меня имелся приказ – во что бы то ни стало удерживать подвал школы, куда примерно через полчаса должны откатиться остатки личного состава блокпоста милицейского полка, задницу которого я со своими пацанами прикрывал вот уже четыре часа, не давая «духам» осуществить свой во всех отношениях безупречный план.

В нашем деле на первом месте стоит скрупулезный расчет – если ты хочешь выполнить задачу, отбрось в сторону эмоции и переживания, в бою им не место. Расклад был таков: из 18 бойцов у меня остались лишь пятеро – остальные были убиты либо тяжело ранены. Если я с кем-нибудь на пару кинусь за Лешим, нас обязательно угрошают, потому что оставшиеся четверо бойцов не смогут качественно прикрыть наш рывок. Для этого необходим плотный непрерывный огонь по всему фронту, чтобы враг не мог прицельно стрелять. Патронов же у нас осталось аккуратно для того, чтобы огрызаться короткими очередями, не давая «духам» в полный рост атаковать школу. Даже если удастся каким-то чудом уволочь оттуда Лешего, нам придется сделать еще два рейда к автобазе и обратно: с сержантом ушли двое бойцов – после залпа из подствольников я их больше не видел... Ну а коль скоро двоих из нас угрошают, останутся лишь четверо – и им предстоит держать школу минимум полчаса. А удержать ее нужно кровью из носу – в противном случае, овладев подвалом, «духи» в упор расстреляют выскочивших на пустырь пацанов с блок-поста, которые, судя по звукам боя, подходят все ближе и ближе. Можете мне поверить: вшестером противостоять тридцати стволам немного легче, чем вчетвером. Особенно если учесть, что один из этих шестерых – опытный офицер, владеющий оружием на два порядка лучше, чем его бойцы...

¹ «СВД» – снайперская винтовка Драгунова.

Вот потому-то, просчитав все как следует, я, стиснув зубы, молча смотрел, как умирает мой боевой брат – сержант Леший, который почти год шел со мной рядом по этой грязной войне... Пятнадцать минут назад сержант и еще двое бойцов выскользнули из подвала школы, по придорожной канаве просочились во двор автобазы, забрались на административный корпус и лупанули оттуда по двум пятиэтажкам, в которых засели «духи». «Чехи» вынуждены были ретироваться на первые этажи и потеряли возможность прямой наводкой долбить из подствольников по окнам нашего подвала, которые прикрывали жиденькие кусты акаций, окаймлявшие школьный двор. Но эта маленькая виктория обошлась нам дорого: буквально несколько минут назад с противоположной стороны к пустырю выползла еще одна группа «духов», незаметно свалилась в придорожную канаву и через прорехи в заборе автобазы в упор расстреляла моих парней из подствольников. И хотя я не Нострадамус, чтобы предугадать незапланированное появление второй группы «духов», которая невесть откуда скатилась в канаву, однако получается, что я сам послал Лешего и двух бойцов на верную смерть...

Пролом в заборе расплылся и потерял свои очертания. Отняв глаз от окуляра прицела, я украдкой вытер слезы и перебрался к другому окну – нужно было заниматься делом.

Аккуратно выставив ствол наружу, я вновь прикинул к окуляру и начал шарить перекрестьем по второму этажу расположенного вблизи от школы дома, выискивая цель. По моим расчетам, после того как заглохла группа Лешего, «духи» обязательно должны вновь подняться наверх, чтобы лупануть в нас из подствольников.

– Командир! Двое с канавы махнули во двор автобазы, – сиплым голосом доложил с другого конца подвала Рыжий, карауливший наш правый фланг.

Я пожал плечами: ничего путного эта перемена позиций «духам» не сулила. В канаве они более-менее надежно укрыты от наших пуль, да и вести из-за забора автобазы прицельный огонь по окнам подвала практически невозможно – разве что веером сыпануть, на испуг. Увы! Они погорячились с передислокацией, боевой азарт сыграл дурную шутку с горячими ребятами – не иначе.

– Ну, присмотри за забором, Вячек, – на всякий случай бросил я Горбатому, расположившемуся у окна, выходившего прямоком на центральную часть забора автобазы. – Мало ли чего... – И аккуратно подвел «троечку» под срез окна на втором этаже пятиэтажки, в котором возникла голова «духа», намеревавшегося использовать свой «ГП-25»² по прямому назначению. Шлеп! Приклад «СВД» ударил в плечо – «духи» в пятиэтажке злобно заорали – есть очередной!

Из пятиэтажек ответно окрысились короткими очередями – судя по всему, арсенал они с собой не таскают. Так что, пока держимся, глядишь, и пронесет...

– Командир! Они чего-то там с Лешим делают! – тревожно прохрипел зоркий Горбатый. – Таскают туда-сюда...

Перебежав к его окошку, я приложился к прицелу и нашарил в заборе пролом с частично видневшейся пожарной бочкой. Мертвая голова сержанта ритмично елозила по ржавому железу взад-вперед, на возвратной фазе движения цепляясь носом за ребро жесткости. Замечев на месте, я несколько секунд созерцал это непонятное явление, потом сообразил и молча двинулся из подвала наверх.

Взлетев на третий этаж школы, я на карачках приблизился к окну и, прижавшись к стене, осторожно выглянул наружу. На что способны некоторые представители чеченского племени, я прекрасно знал, а потому не особенно удивился, когда обнаружил, что один из «духов», перебравшихся на территорию автобазы, сноровисто отрезает голову моему бойцу, труп которого лежал возле искореженного взрывом экскаватора. Второго трупа видно не было – очевидно, он находился где-нибудь под забором, но возле орудующего ножом «духа» на земле уже лежала

² «ГП-25» – подствольник.

отрезанная голова. Шустрый пацан попался, времени даром не теряет! Но к такому повороту событий я был готов – обнаружив головореза, я лишь шумно выпустил воздух сквозь сжатые зубы и пристукнул кулаком по прикладу «СВД». А вот второй «дух» – он... он трахал в задницу мертвого Лешего... Ну, это уже ни в какие рамки не лезло!

Рискуя стать прекрасной мишенью для подствольников, я изготовился для стрельбы стоя и несколько секунд рассматривал в прицел уroda, изгалявшегося над Лешим. Я не мог хорошенько поймать его мерзкую рожу в перекрестье – мешала ярость, готовая выплеснуться наружу в диком вопле, и неудобное положение.

Шлеп! Отброшенный назад «дух» тонко закричал и, схватившись за левое плечо, исчез за забором. Черт! Снайпер фуев – засунь в задницу свои эмоции, работай! Второй «чех» среагировал моментально – он испуганно отпрянул от обезглавленного трупа и на карачках метнулся к забору, волоча за ремень свое оружие. «А-а-а, чмо! – крикнул я шепотом. Хотя к чему таиться – и так уже нарисовался! – Ссышь, чмо!» Поймав перекошенное страхом лицо удирающего в прицел, я секунды три вел перемещающуюся фигуру, тщетно пытаюсь стабилизировать винтовку дрожащими руками и горячо сожалея, что нет времени приложиться к подоконнику, высунув ствол наружу – тогда я тебе, падла, моментом превратил бы башку в дуршлаг! Когда «дух» уже почти исчез из поля зрения, мне удалось более-менее прилично словить в перекрестье его задницу и я нажал на спусковой крючок.

Одновременно с пронзительным вскриком убравшегося под забор недобитого ублюдка я уловил со стороны пятиэтажки три несильных шлепка и бросился прочь из разрушенного класса, впопыхах забыв, что граната из подствольника летит быстрее самого отменного принтера, даже не отягощенного экипировкой. За спиной оглушительно рвануло, я ласточкой вылетел в коридор и, со всего маху забодав башкой чудом уцелевший стенд «Наши медалисты», мгновенно отключился...

Очухался я часа полтора спустя после близкого знакомства с медалистами этой замечательной школы. В подвале было шумно и людно. Сизо-синий пороховой дым стелился по всему помещению. Отступившие с блокпоста бойцы притащили с собой помимо раненых еще и изрядную кучу боеприпасов и теперь слегка давали жару «духам», от души радуясь, что нам таки удалось отстоять для них такое прекрасное местечко.

Мои пацаны, рассчитывая, видимо, на скупую командирскую похвалу, поведали, что, когда они перетасили меня с третьего этажа в подвал, «духи» отчего-то резко пожелали атаковать школу – видимо, почувяли, что основного застрельщика отключили. Пришлось поработать в напряженном режиме.

– Ну и ладушки, – резюмировал я, накладывая на разбитый лоб кусок тельника. – Сколько замочили?

– Пятерых точно, – солидно кашлянув, доложил Рыжий. – И еще сколько там поранили – хрен знает. Они потом откатились, не стали больше переть.

– Могли бы и больше. Плохо работаете, – как обычно отметил я. – Квалификацию теряете...

Нам всем страшно повезло. В скором времени армейцы, которым наскучило любоваться, как нас нянчат «духи», начали с ужасным шумом и треском внедряться в город. Поскольку школа, в подвале которой мы благополучно огрызались четверо суток, располагалась на самой окраине города, ее разблокировали буквально в самом начале штурма, закольцевав по ходу дела что-то около трех десятков «духов», которые по каким-то причинам не сумели драпануть к центру.

Побрыкавшись для проформы, боевики на диво легко сдались – впоследствии это обстоятельство наши агитаторы преподнесли как весьма крупную победу, светлевшую радужным пятнышком на фоне провалившейся операции по разблокированию беспощадно избиваемого контингента внутренних войск. В других местах города все было с точностью до наоборот, а

здесь – оп-па! – красиво зашли, расстреляли из танков пятиэтажки и повязали целый взвод «чехов». Есть чем гордиться!

Отчего они позволили себя спеленать, я не знаю. Возможно, «духи» были в курсе, что нам очень скоро придется с позором убираться из города, отдав на добровольных началах всех пленных, которые тут же поступят на совместные комендантские посты и будут издевательски поднимать вверх средний палец, провожая наши уходящие колонны. Возможно, что они были не в курсе последующих событий, а просто рассчитывали на милосердие армейцев, которые отоспались за городом и пребывали в благодушном настроении, – не знаю, не знаю... Но лучше бы они сражались до последнего патрона и поголовно легли в неравном бою, как и подобает в аналогичных случаях истинным воинам. Возможно, тогда все было бы по-другому... Хотя, кто его знает? Говорят, кому суждено сгореть, тот не утонет...

Уловив качественное изменение в тяжком смраде камеры, я вышел из состояния оцепенения, с хрустом потянулся и глянул вниз. Из-под нижней шконки³ струился голубоватый дымок, который безуспешно пыталась разогнать торчавшая оттуда же худосочная длань с заскорузлыми перстами.

– Я вот щас спущусь и тебе этот чинарик в очко вставлю, – пообещал я и лениво поерзал задом, угрожающе заскрипев пружинами. Дымок исчез – из-под шконки возникла всклокоченная башка Адвоката, который, с испугом посмотрев на меня, пролепетал:

– Да я ж только две затяжечки, Сыч! До прогулки три часа – ну невтерпеж!

– Вот чмырюга, а! Еще один такой прецедент – будем пидерасить! – включился в воспитательный процесс мой кореш – Серега Смирнов, здоровенный омоновец из Новосибирска, доселе мирно дремавший на верхней шконке по соседству. – Пояснили же человечьим языком – курить только на прогулке! Че непонятно, а?!

Семь пар ненавидящих глаз уставились на нас снизу. Если бы сила взгляда каким-то чудесным образом могла материализоваться, мы с Серым давно бы уже разложились. Но чудеса случаются крайне редко (особенно в СИЗО), а потому мы довольно комфортабельно валялись себе на тощих матрацах, наплевав на нереализованную энергию ненависти сокамерников.

– У-у-уу, чуханы – ебла позавалите! – лениво посоветовал Смирнов. – Не фуя тарашиться – мы вам, бля, не кабаре-дуэт «Академия»!

Сокамерники безропотно притихли, не рискуя более тревожить послеобеденный отдых паханов.

– Присматривай получше, – бросил мне Смирнов и, отвернувшись к стене, опять погрузился в царство Морфея. Я посмотрел на часы (хорошо, что пластмассовые, а то бы отняли!) – до конца смены осталось сорок две минуты. Потом Серегина очередь караулить, а я смогу поспать. Сутки разбиты на четырехчасовые отрезки: четыре часа Смирнов отдыхает, а я бодрствую, затем наоборот. Если мы заснем вместе, нас моментально удавят сокамерники – и совсем небеспричинно...

Я опять потянулся и тяжело вздохнул. Зря доктор меня пожалел. Сидел бы сейчас в нормальной камере для сотрудников этажом выше – судя по слухам, там с лимитом все в ажуре – на каждого по шконке и хавки дают поболее. Любой сизошник знает, что при благоприятном стечении обстоятельств его толстая задница может моментально перекочевать из коридора на шконку, и поэтому сочувствует бывшим коллегам. А мы – психи (даром что к правоохранительным органам относимся), на сочувствие рассчитывать не имеем права.

– Скажи спасибо, debil, что вас тут вообще отдельно держат, – огрызнулся корпусной, водворяя меня в камеру, когда я возмутился было, что народу тут более чем положено. – А то засуну в общую – махом отпидерасят! – И ловко протянул дубинкой по спине, отчего я стремительно влетел в свое новообретенное пристанище, отдавив кучке старожиллов три ноги

³ Шконка – двух – или трехъярусная койка в камере.

и ладонь. Дружно взвившись, старожилы отшвырнули меня обратно к захлопнувшейся двери и хором принялись выражать свое недовольство незапланированным появлением лишнего. В душе я был с ними согласен: камера четыре на два с половиной с двумя двухъярусными шконками на восемь рыл, а тут еще одного подбросили!

– А ну, тихо! – басом гаркнул с верхней шконки здоровенный мрачный мужик, заросший недельной щетиной. Гомон моментально стих. «О! Пахан местный, – решил я. – Очевидно, сейчас будут прописку делать». И, положив авоську с вещами на пол, начал разминать кисти рук. То, что в тесном пространстве камеры у противника было явное численное превосходство, меня особо не смущало. «Первого, кто кинется, рубану, второго загрызу – остальные после такого начала вряд ли пожелают резвиться, – подумал я. – Пусть они шизоиды, но не совсем же ведь законченные...»

– Ну и что ты за фуй с бугра? – полюбопытствовал верзила, медленно спускаясь со шконки на пол. Растолкав публику, он стал приближаться ко мне.

Повернувшись к каланче левым боком и слегка напружинив опорную ногу, я приготовился долбануть вопрошающего пяткой в промежность и спокойно ответил:

– Сыч я... Отряд спецназа ВВ. Номер не скажу. – И, отведя взгляд в сторону, добавил: – Замочил пленных «духов» в Грозном... Предварительный диагноз – шизофрения.

Обитатели камеры недовольно загудели – отчего-то им мой ответ не понравился. Верзила внимательно смотрел на меня с десятков секунд шалыми глазами, затем, обернувшись к публике, заорал:

– Да ша! Ша, чмыри! – И протянул мне руку, широко улыбаясь: – Серега Смирнов – Новосибирский ОМОН. Тоже шизофрения, но никого расстрелять не успел. А жаль... – Он возбужденно сверкнул зрачками и, похлопав меня по плечу тяжелой ручищей, резюмировал: – Мы с тобой одной крови – ты и я. Ты Маугли читал?

– Ага, читал, – согласился я.

– Ну вот, – продолжил Серега. – Мы с тобой одинаковые – оба подхватили шизу на войне. А эти, шушера все тутошние – жировали, скоты, пока мы там кровь проливали. – Бешено зыркнув на недовольно притихших сокамерников, мой новоявленный кореш вдруг скаканул назад и, резким движением сдернув с верхней шконки отчаянно завизжавшего худосочного типа, распорядился: – Жить будешь здесь. Тебе положено. – Затем Смирнов обвел сокамерников подозрительным взором и напористо поинтересовался: – Вопросы есть?! – Вопросов не было. Таким образом я стал обитателем камеры для сотрудников правоохранительных органов, располагавшейся в психиатрическом отделении СИЗО № 1 славного российского города N...

Я ни капельки не раскаивался в том, что расстрелял этих ублюдков, и вопреки диагнозу врача, обследовавшего меня при аресте, был на сто процентов уверен, что с чердаком у меня все в порядке. Для меня контузия и четыре мелких осколка в спине не повод, чтобы лишиться рассудка: было дело, случались штуковины покруче, и ничего – крыша на месте. Так, по крайней мере, мне кажется... Доктор был не прав: я ухайдакал ЭТИХ не будучи в состоянии шизофренического припадка, а наоборот – пребывая в здравом уме и твердой памяти.

Когда пленных «духов» начали грузить в машину, чтобы свезти в Ханкалу, возле школы, которую мы героически обороняли, образовалось изрядное скопление лишнего народа: репортеры, журналисты, правозащитники, представители ОБСЕ. Они двигались за танковой колонной как дисциплинированная пехота и, естественно, пожелали принять трепетное участие в таком грандиозном событии, как добровольная сдача в плен гордых «непримиримых», которые якобы не пожелали более проливать кровь сопливых русских мальчишек. Помнится, один из «духов» – высокий матерый мужик – презрительно бросил в видеокамеры: «Мне просто стало стыдно – с кем я воюю?! С пацанами, которые мне в сыновья годятся! Я пожалел их и вот – решил добровольно сложить оружие...»

Было бы интересно послушать, что ответил бы матерый, спроси его кто из журналистов: «И что ж ты, родной, сутками раньше оружие не сложил? Почему вплоть до разблокирования пулял по окнам подвала, не давая этим самым пацанам носа высунуть?»

Ан нет – дурных вопросов никто не задавал: похлопали дружески по плечу – молодец, мужик! Езжай в Ханкалу, там вас потом обменяют. Так вот...

По ходу дела возле школы оперативно орудовал медперсонал: собирали всех подряд раненых и убитых – и наших и «чехов». Всех, кому еще требовалась помощь, грузили в «таблетки»⁴, чтобы везти на эвакуопункт, а кому уже до лампочки – бирку на ногу и в тентованный «Урал»...

И вот, представьте себе: выхожу я из наспех раскинутой санпалатки – там у меня выковыривали осколки из спины – и наблюдаю такую картинку: немолодая уже медсестра выгоняет из «таблетки» шестерых ходячих раненых ребят и покрикивает: «Давай, давай, сынки – вон тяжелых несут! Сначала тяжелых отвезем, а потом за вами приедем...»

Глянул я на этих «тяжелых», и в глазах потемнело: наши санитары, пыхтя от натуги, тащили на носилках к «таблетке» двух уродов, которые отрезали головы моим бойцам и надругались над трупом Лешего... Если бы мне предложили их опознать чисто по внешним признакам, я, возможно, еще усомнился бы – они практически все похожи друг на друга, как однояйцевые близнецы. Однако у меня, как у любого профессионала, имеется характерная черта: пунктуально фиксировать результаты своей работы. Вот я и зафиксировал: один из «тяжелых» был ранен в задницу, а второй – в левое плечо, причем наши сердобольные санитары успели соорудить этим выблядкам обильные повязки.

Тот, кто имел ранение в ягодицу, держался молодцом: приветственно махал ручкой и скалился в журналистские видеокамеры, а второй зверьком зыркал по сторонам и натужно цедил воздух сквозь стиснутые зубы – промидолом, видимо, его баловать не стали.

Полюбовавшись этим замечательным зрелищем с десятков секунд, я под угрозой оружия заставил санитаров поставить носилки на землю, отогнал их подальше и методично расстрелял пленных, выпустив весь магазин... Повторяю – сделал я это не будучи в состоянии аффекта или боевого транса, а напротив, руководствуясь холодным расчетом и пребывая в здравом рассудке. Я просто казнил их. Если в нашей богом обделенной стране Правосудие зачастую валяет дурака, в некоторых случаях его функции должен брать на свои плечи тот, кто на это способен... Кликнув своих оставшихся в живых бойцов, я показал им мертвых «духов» и пояснил, что справедливость восстановлена. Теперь каждый из них уверен на сто процентов, что любое зло наказуемо, а возмездие неотвратимо, независимо от того, что за спиной злодея стоит могущественная криминальная страна, и невзирая на юридические и правовые условности...

Вот, собственно, и все. К моему великому сожалению, при осуществлении сей акции присутствовало, как я уже упоминал выше, много ненужных свидетелей. Они подняли страшный шум, в результате чего по данному факту моментально возбудили уголовное дело и меня быстро эвакуировали на «вертушке» подальше от метких глаз и цепких рук народных мстителей великой Ичкерии, которые, впрочем, судя по слухам, поклялись отыскать злобного маньяка-убийцу хоть на Марсе... Ну и пусть себе ищут – для меня это не трагедия. Я уже давно смирился с мыслью, что если все «духи», желающие плюнуть на мой труп, выстроятся в затылок друг другу, то очередь получится не меньше, чем в доперестроечный воскресный денек к Мавзолею дедушки Ленина...

Разбудив Смирнова, я передал ему вахту и, отвернувшись к стене, попытался уснуть, надеясь, что во сне мне привидится какая-нибудь эротическая картинка, чреватая непроизвольным семяизвержением – такое со мной здесь уже один раз приключилось. Я мечтал о таком сне как о единственном светлом пятне в этом вонючем мире. Однако, вопреки ожиданиям,

⁴ «Таблетка» – санитарная машина.

провалиться в состояние тяжелой полудремы сразу не удалось – и не затхлый смрад тесной камеры был тому виной.

Помаявшись минут пятнадцать в безуспешных попытках забраться в мир эротических сновидений, я похоронил свою мечту и принялся анализировать состоявшийся накануне вечером разговор со Смирновым.

В тот день корпусной принес Серому передачу от влиятельных лиц из органов, в которой, помимо всего прочего, имелось небольшое письмецо. Из депеши следовало, что завтра после обеда моего кореша заберут на повторное обследование в клинику. А еще в том письме вскользь проходила информация, что моей особой очень интересуются какие-то темные личности. Там так и было написано: «...с тобой сидит один тип, который завалил пленных чеченов в Грозном. На днях кое-кто настойчиво интересовался...»

Сергея пребывал в благодушном настроении – он был уверен, что влиятельные товарищи, курирующие его персону, с легкостью вытащат своего протеже из этой передраги. И в самом деле, всего-то делов – ну подумаешь, пострелял парень слегка из «ПКМСа» по базару! Ну, хрен с ним, пусть трое торгашей ранены, но никого ведь не отправил на тот свет! На войне и не такое бывает...

Я благодушие Сергея не разделял. Нет, перспектива оказаться наедине с сокамерниками, которые в один прекрасный момент могут прикончить оставшегося в меньшинстве тирана, меня особенно не удручало. Не заботила чрезмерно и мысль о том, что «духи» таки раздобыли информацию о моем местопребывании – рано или поздно это должно было произойти.

Меня сильно удручало, что я оказался не у дел, совершенно беспомощный и зависимый от чужой воли. Умереть в этой вонючей камере было бы очень обидно и нецелесообразно. На баксы Абдуллы, предусмотрительно спрятанные в надежном месте, я мог приобрести фантастическую экипировку для целого отряда и напоследок развлечься на всю катушку в свое удовольствие. И неважно, что войска помаленьку выводят – это не мое перемирие. Лично я ни с кем договор не заключал. Полагаю, если хорошенько поискать, то можно обнаружить достаточное количество профессионалов, умеющих без промаха стрелять из всех видов оружия, убивать голыми руками и прекрасно разбирающихся в географических особенностях этой маленькой горной страны. Хотя много мне не надо – хватит и десятка ловких парней, для которых мир с чеченцами никогда не наступит... Ну да, разумеется – все мы смертны, и меня обязательно рано или поздно прикончат, но лучше схлопотать пулю в бою, чем быть задушенным в вонючей камере ненавидящими тебя психопатами или «чеховской» подсадкой. В общем – не нравится мне здесь. Пора отсюда убираться...

Глава 2

...Тот факт, что из СИ-1 за полуторавековой период его существования никому не удалось сделать ноги, меня абсолютно не волновал. Нет, нет – ваш покорный слуга вовсе не болен чрезмерным самомнением – просто я прекрасно знаю, что все в мире преходяще. Знаете, как оно бывает – висит в забытом фарватере старенькая мина, лет этак тридцать-сорок, никому не мешает, а потом вдруг – оп-па! – где-то что-то колыхнуло, цепь порвалась – и вот вам, заполучите пробойну в полборта!

«Общаквая» камерная масть – пассивный пидер Григорий, работавший ДПНСИ⁵ до того, как его посетила шиза, рассказывал, что наиболее отчаянные обитатели изолятора в разное время и различными способами пытались несанкционированно оставить сие заведение, однако попытки эти были тщетны.

Однажды, правда, был прецедент: некто Рваный, вор-рецидивист, замечательно исхитрившись, умудрился благополучно покинуть стены СИЗО, но подышать пьяным воздухом свободы ему удалось совсем недолго – буквально полминуты.

Было это в мае 1954 года: вор во время приема пищи сделал вид, что проглотил черенок ложки, и симулировал страшные желудочные колики, а когда корпусной зашел в камеру взглянуть, что же это с ним такое приключилось, Рваный ловко вырубил попкаря, переделался в его форму и, завладев ключами, выбрался наружу.

Данное происшествие, однако, побегом не посчитали и в реестры заносить не сочли нужным, поскольку в этом деле присутствовал маленький нюанс: завернув за угол СИЗО, Рваный был моментально задавлен насмерть ассенизаторской машиной спецавтохозяйства № 17, управляемой сильно пьяным водителем...

К рассказам старого пидера я относился весьма скептически: он попал сюда за то, что во время дежурства зверски покусал троих подследственных, у которых после этого случился столбняк (вообразил себя, сволочь, служебной собакой). Кроме того, любой подследственный, проведенный хоть какое-то время в следственном изоляторе, прекрасно знает, что корпусной – если он только не самоубийца, без хорошего прикрытия в коридоре никогда не зайдет в камеру к психам, а все три выхода из СИЗО (приемник, ворота шлюза и КПП в административном корпусе) ежесекундно находятся под строжайшим контролем.

Одним словом, внимая интересным сказкам Григория, следовало тщательно фильтровать информацию: старый шизофреник настолько помутился рассудком, что сам свято верил в некоторые полуфантастические элементы своих увлекательных повествований и впадал в прострацию, если его пытались убедить, что он элементарно врет. Тем не менее в случае с Рваным я уловил некое рациональное зерно и, уцепившись за этот аспект, довел его до логического завершения.

По моему разумению, Рваный, совершая побег (коль скоро таковой имел место в действительности), сильно переборщил и сделал массу ненужных телодвижений, даром что опытный вор-рецидивист. Сделав выводы из печального опыта «коллеги», я решил свой план слегка подкорректировать...

Учитывая особенности обитателей психиатрического отделения, администрация СИЗО тщательно следила, чтобы в камерах не было предметов, которые подследственные могли использовать для членовредительства. При поступлении в отделение у новичка отнимали все, что хоть как-то подпадало под определение «опасно для жизни»: металлические часы, иголки-булавки, брючный ремень, шнурки, подтяжки и отовсюду срезали пуговицы, поскольку неко-

⁵ ДПНСИ – дежурный помощник начальника следственного изолятора.

торые психи – было дело – заглывали эти пуговицы пригоршнями и с ними потом приходилось возиться.

Мой кореш, Серега Смирнов, отчасти из-за этой особенности психотделения, отчасти из-за своего дурного нрава попал в пикантную ситуацию: когда его сюда водворяли, он мило пошутил – дескать, зря стараетесь, ребята, при желании можно удавиться и резинкой от трусов... Выслушав инсинуации Смирнова, попкари моментально изъяли у него все имеющиеся в наличии резинки: от спортивных штанов, от трусов, запасных трусов и на всякий случай вырезали пластмассовую «молнию» из кофты – чтобы больше так не шутил. Теперь представитель ОМОНа завязывал все свои аксессуары на узелки, из-за чего во время последней рукопашной схватки со злобными сокамерниками предстал пред врагами во всей своей первозданной красе, да вдобавок оказался стреноженным! Если бы я не стоял с ним рядом плечом к плечу, положеньице, сами понимаете, могло стать весьма прискорбным...

В общем, не было в обиходе шизанутых подследственных опасных для жизни предметов – не составляли исключение и ложки. Псих мог заточить втихаря ложку о стену и благополучно вскрыться или порезать тех, кто в его исковерканном воображении ассоциируется как враг. А потому при раздаче пищи баландер пропихивал в кормушку вместе с тарелками и ложки, которые он впоследствии тщательно пересчитывал, получая посуду обратно.

Слопав на завтрак хлорную овсянку, я аккуратно отломал у ложки черенок и, поставив тарелку в общую кучу у двери, забрался на свою шконку, где быстро засунул черенок в матрац. Затем я отвернулся к стене и, скрючившись, принялся тихонько постанывать.

– Ты че, братуха? – поинтересовался Смирнов, ухватив меня за плечо здоровенной ручищей. – Поплохело, что ли?

– Живот чего-то схватило, – сквозь зубы процедил я. – Режет, бля...

– Может, шумнуть, чтобы врача вызвали? – озаботился Серега. – Может, дизентерия, а?

– Да нет, братан – не надо врача, – отказался я. – Полежу чуток – может, отпустит...

Минут через пятнадцать корпусной откинул кормушку и баландер принял посуду от Адвоката, который в наказание за курение был назначен вечным дежурным по камере.

– Раз, два, три... – начал монотонно считать ложки баландер и вдруг, без перехода, будто полдня тренировался, заорал противным голосом: – Во бля! Гля, че утворили, дебилы! Черенок у ложки откусили, сволочи!!! Ой-ееооо...

Мгновенно поднялся всеобщий гвалт: корпусной, засунув рожу в кормушечный проем, настойчиво интересовался, куда это мы задевали черенок, и недвусмысленно намекал на грядущие репрессии для всей камеры, если черенок не будет возвращен; сокамерники яростно отпирались, стуча себя кулаками в грудь, бросаясь на пол и приводя в качестве аргументов самые страшные клятвы, а голосистый баландер комментировал весь этот балаган, стараясь переорать обитателей камеры, и посвящал в подробности происходящего остальных заключенных психотделения.

Немного послушав этот сыр-бор, Серега Смирнов решил вмешаться.

– Ша, чмыри! Ша, я сказал! – рявкнул он раскатистым басом. – Кто взял черенок – верните, а то найдем, всех подряд отпидерасим!

Надо признаться, что это была дежурная смирновская угроза – в ходе конфликтов с сокамерниками он частенько обещал произвести их в петухи, однако дальше угроз дело не доходило. Тем не менее то ли в силу своей испорченности, то ли из-за чрезвычайной убедительности смирновского облика сокамерники к подобным угрозам относились весьма серьезно, и никто ни разу не усомнился, что Смирнов на пару со мной может осуществить сие безобразное деяние – если приспичит. Этот конфликт также не был исключением – обитатели камеры для сотрудников на пару секунд притихли, опасливо косясь на Серегу – только баландер в коридоре продолжал возбуждать население психотделения истошными криками.

– А вдруг это Григорий взял? – глубокомысленно заметил Адвокат. – Ему до фени, а всей камере страдать!

Григорий моментом попер в отмаз, остальные начали высказывать свои предположения по этому поводу – гвалт возобновился.

– Ша, чмыри! Ша! – опять заорал Смирнов, тяжело подпрыгивая на своей шконке и стуча по дужке кулачищами. – У кого найдем черенок, отметелим как последнего чухана!

Опять пауза – три секунды. Воспользовавшись затишьем, я красноречиво замычал и, приподнявшись на локте, со страдальческой гримасой на лице застонал:

– Оооо, Серый... Это я, я... Я проглотил чеере-ено-о-ок... Умереть хочу-у-уу... Жить неумоготу-у-уу... – и рухнул обратно, скукожившись в три погибели.

Что тут началось!

– А-а-а-а-а! – заверещал пидер Григорий фальцетом. – Вот оно! Оно! Как в 54-м году! А-а-а-а! Давай – зайди, зайди! – Это адресовалось попкарю. – Зайди, а он по башке тебя жажнет, переоденется и свалит отседа! Давай, давай...

– Доктора позови, начальник! – орал Смирнов, нешуточно стуча кулаком по кровати дужке. – Доктора! Кореш умирает!

– Пидер! – завизжал баландер, перекрикивая всех подряд. – Пидер! Ложку сожрал, тварь! Да чтоб она тебе там, блядь ты такая, поперек жопы застряла!

– За пидера ответишь, чмо! – прорычал Смирнов, грузно прыгая со шконки на пол, и метнулся к двери, намереваясь, видимо, вцепиться в глотку баландеру.

Осторожно перевернувшись на другой бок, я активизировал стенания и с любопытством наблюдал за развитием ситуации. Смирнов благополучно схлопотал от корпусного по рукам и принял на грудь пару тарелок с объедками, ловко запущенных через кормушку баландером. С не меньшей ловкостью вернув тарелки обратно, мой корешок взвыл как волк и принялся лупить кулаками по гулко завибрировавшей двери, изрыгая гнуснейшие тирады в адрес врагов. Судя по мощному реву и диким воплям снаружи, психи из общих камер уже давно вошли в возбужденное состояние и всячески поддерживали наше выступление. В общем, имел место безобразный дебош.

Корпусной, надо отдать ему должное, пребывал в растерянности совсем недолго. Похлопав чуток белесыми ресницами на бесновавшегося у кормушки Смирнова, попкарь завопил, как подрезанный:

– Спецназ! Спецназ! – И так до тех пор, пока под сводами психотделения не наступила относительная тишина.

– Будете базарить – спецназ позову! – закрепляя успех, объявил корпусной. – Они уже неделю без работы – соскучились, поди! – Публика замолкла – только отдельные задушевные всплески бывшего буйства доносились в нашу сторону из коридора. В общих камерах поголовное большинство самостоятельно гасило наиболее неумных: сей процесс выражался в мычании заткнутых ртов и причитаниях типа: «Не надо, не надо – я сам!»

– Ну че – есть желающие повозбухать? – победно воскликнул корпусной. – Если есть – я всегда пожалуйста!

Возбухать никто не пожелал. Методы воспитательной работы уидовского спецназа⁶, отделение которого постоянно дежурило где-то на верхних этажах СИ-1, надолго оставляли мрачный след в памяти любого обитателя пенат, будь он хоть трижды дегенератом.

– Ну зачем спецназ? – вкрадчиво пробормотал вредный Григорий после некоторой паузы. – Ты зайди сюда, пощупай его – вдруг он кони кинул? А коли не кинул – так он тебе по черепу жажнет, переоденется и, как в 1954-м...

⁶ Уидовский спецназ – подразделение для усмирения заключенных.

– Да заткнись ты, чмо! – пресек старого педераста Смирнов. – Человек умирает! Ну давай, давай – сделай че-нибудь, братуха! – обратился он к попкарю. – Доктора позови – не веришь, сам зайди, проверь – ведь помрет же!

– Вот это ты влип, Иваныч, – грустно резюмировал Адвокат. – ДПНСИ доложишь, что подследственный ложку заглотил, – вставят на всю катушку. Куда смотрел? Не доложишь – вдруг помрет? Опять же вставят. В камеру зайдешь – на части порвут. Хи-хи...

– Ага, разогнался! – досадливо пробурчал корпусной. – Щас все брошу и побегу докладывать! Пусть себе лежит – ни хера ему не будет!

– Зря ты так, Иваныч! – сурово прикрикнул Григорий. – У меня разок корпусной недоглядел – подследственный отравился дрянью и помер. Так корпусному поджопник – пошел на хрен с работы! – и платить компенсацию семье заставили... Так что – топай. Пушай экстренный вызывают – надоть бы этого в клинику свезти.

Корпусной сурово задумался на полсигареты и, захлопнув кормушку, потопал к выходу из отделения. Спустя пять минут меня аккуратно выдворяли из камеры – при сем знаменательном событии присутствовала практически вся смена попкарей и сам ДПНСИ, который сноровисто обшарил камеру – видимо, на предмет поисков пропавшего черенка, такового не обнаружил и велел тащить меня в дежурку.

Еще минут десять я лежал на носилках в приемнике, дожидаясь конвоя, и изображал нечеловеческие страдания для наблюдавших за мной двух вислоносых прапорщиков. Отыскавшийся где-то в объемном чреве СИЗО престарелый фельдшер Игнатич не считал нужным даже пощупать меня – написав от фонаря направление, он вручил его прибывшему начальнику экстренного караула и наотрез отказался сопровождать меня в клинику.

– Я вам, блядь, не эчара, чтобы в автозаке трястись, – презрительно заявил Игнатич начкару, когда тот настоятельно потребовал, чтобы больного сопровождал врач. – В кабине ведь не повезешь?

– Не повезу, – согласился начкар – мясистый краснолицый дядька предпенсионного возраста. – Больно ты жирный, вдвоем не поместимся. Да и не положено это...

– Ну а в трюме я вам не ездун, – отрезал Игнатич. – У вас там воняет...

– Тогда вообще не возьму, – меланхолично пожал плечами начкар. – По уставу не положено – сам ведь знаешь! Вдруг он в дороге очокурится?

Пока они препирались, прошло еще что-то около десяти минут – вынужденный притворяться, я настолько вошел в образ, что сам поверил, будто у меня внутри минимум ятаган – даже колики появились.

Придя наконец к консенсусу, конвой и попкари совместными усилиями выдворили меня на улицу и погрузили в камеру автозака. В ходе этого мероприятия я так натурально стонал и скрючивался, что какой-то впечатлительный сизошник – из молодых, по-видимому – досадливо бросил окольцовывавшему меня начкару:

– Да на хера ты ему браслеты цепляешь?! Он, блядь, щас не то что бежать – дышит через раз!

– Целее будет, – буркнул бывалый начкар. – Видали мы таких больных...

В приемном покое клиники им. Турдыниязова, куда меня с грехом пополам доставил конвой спустя двадцать минут, возникла некоторая заминка: во-первых, куда-то исчез Игнатич, сославшись на срочную необходимость повидать какого-то коллегу, во-вторых, выяснилось, что безболезненно просветить меня не получается: какой-то сильно двинутый пациент, доставленный накануне вечером из областной психбольницы, по недосмотру сопровождавших его пьяных санитаров в припадке дикой ярости основательно разбил суперсовременный сканер, когда его (пациента) пытались освидетельствовать на предмет заглота подшипника.

– Ээээм... Ну, черенок – это, конечно, не подшипник, – глубокомысленно заметил высушенный козлотородый хирург, пытаясь ощупать мой живот, – я поджал колени к подбо-

родку и отпихивал врачебную руку, оглашая стены покоя предсмертными криками. – Если отломанный конец достаточно острый, тогда, ммм... ну, тогда от любого резкого движения может возникнуть прободение. А это, знаете ли, – это чревато, батенька... – Таким образом хирург успокоил скусившегося начкара, поглядывавшего на дверь в ожидании невесть куда запропастившегося Игнатича.

– Угу, чревато, – повторил хирург и, поколебавшись несколько секунд, написал несколько строк на каком-то бланке. Вручив его начкару, козлобородый засунул правую руку за пазуху, а левой произвел отмахку от ширинки в сторону входной двери: – Давайте-ка, ммм... тащите его эээ... в морг. Как выйдете, завернете за угол здания – там вход в подвал. Ммммм...

– Как это в морг? – изумился начкар. – Он что – уже все? Безнадега?

– Да нет! – досадливо нахмурился хирург. – Ну что вы, право... Ээээ... У нас там рентгенкабинет временно – ремонт, знаете ли... Угу... Ну, в самом деле – с моргом по соседству. Направление отдадите Аталии Андреевне – она снимок сделает. Потом сюда...

Пыхтя и чертыхаясь, конвой потащил меня, куда было указано. Миновав озаренное мертвым светом галогеновых ламп просторное помещение с двухъярусными стеллажами, на которых покоились завернутые во что-то белое тела, мы очутились в небольшом зале с хаотичным нагромождением непонятного, но весьма объемного оборудования и зашторенными плотными портьерами окнами.

Спустя три минуты крючконосая бабуся – Аталия Андреевна – подпрыгивая от досады и обильно пыхтя чесночным ароматом, пыталась пристроить у меня на животе футляр с пленкой. Получалось это из рук вон – я не желал разгибаться и держался за брюхо окольцованными руками, стеноя так, что у самого мурашки по коже бегали.

– Да снимите с него эти чертовы кандалы! – вспылила Аталия после продолжительной и безуспешной борьбы. – Снимите и держите ему руки. Я что, по-вашему – Шварценеггер, что ли, чтобы справиться с ним в одиночку?!

Слегка поколебавшись, начкар недовольно покачал головой и расколыцевал мою левую руку, скомандовав конвоирам:

– Ну давайте – прижмите его, что ли... Только аккуратнее – вдруг прободение!

– Какое, к черту, прободение! Прободение! – презрительно передразнила Аталия. – Эти уроды гвозди глотают, бритвы – и ничего, ни хрена с ними не случается. Распинайте!

Конвоиры ухватили меня за руки и осторожно развели их в стороны – вверх, прижимая к столу. Отчаянно крикнув, я забился в конвульсиях и намертво подогнул колени к животу.

– Ну а ты какого хрена торчишь?! – обрушилась Аталия на начкара. – Давай, тяни его за ноги – ноги-то он, скотина, сам не разогнет!

Досадливо крикнув, начкар подошел к столу с торца и потянулся, чтобы ухватить меня за щиколотки. Ну вот и славненько, дражайшая Аталия Андреевна! Как прекрасно ты их разместила! Дай бог тебе здоровья...

Напружинив ягодицы, я мощно лягнул начкара пятками в лицо и кувыркнулся через голову назад, с ходу долбанув широко расставленными ногами по макушкам державших меня конвойных. Приземляясь за столом, я вынужден был выкрутить руку обратным рычагом тому, что справа – цепкий оказался парниша, не пожелал выпускать. Боднув его башкой в переносицу, я не стал дожидаться, когда его тело шмякнется на пол, а, метнувшись ко второму, начавшему уже лапать кобуру на заднице, с маху угостил его локотком в лоб. 1, 2, 3 – все мои приятели не подавали видимых признаков жизни.

– Они мне не враги, – пояснил я разинувшей рот Аталии. – Я их просто ненадолго отключил – жить будут. Вот только начкару, пожалуй, маленько челюсть попортил, – добавил я, вынимая у начальника караула из кармана ключи от наручников и освобождая свою правую руку.

– Ты, ты... Ты чего это, а? – прорезалась Аталия. – Ты зачем это? Ты...

– Давайте я шарахну вас по башке, и вы отключитесь минимум на час? – предложил я хозяйке кабинета, ласково улыбаясь и пристально глядя на нее. – Или – ежели хотите – дайте мне ключ от кабинета.

– Зачем по башке?! – возмутилась Аталия. – Зачем ключ?

– Ключ дадите, я прикую вас наручниками к стеллажу, запру дверь и уйду, – пояснил я. – Не дадите – тогда по башке. И ключ все равно найду. А вы, пока на полу будете валяться без сознания, пневмонию подхватите – холодно тут у вас. Ну?!

Затряся нижней губой, Аталия скорбно помахала руками, извлекла из кармана халата ключ и протянула его мне, одарив на прощание ненавидящим взглядом. Приковав хозяйку невидимых лучей к стойке стеллажа с аппаратурой, я покинул кабинет, запер дверь и выбрался из мрачного подвала.

Автозак располагался метрах в пятнадцати от входа в приемный покой, уперевшись передними колесами в бетонные плиты, преграждавшие доступ посторонней техники во двор. Описав полукруг вдоль решетчатого забора, я рысцой приблизился к машине с правой стороны, рывком распахнул дверь кабины и, заскочив внутрь, аккуратно рубанул правой в челюсть дремавшего за рулем водилу.

– Извини, паря, – пробормотал я, перетягивая безвольно обмякшее тело на правую сторону и перебираясь за руль. – Иначе никак не получается...

Глава 3

– Ты на мясо особо не налегай – вон, лучше сок пей, – сердобольно заметил Вовка. – А то скрутит с непривычки. В баньке попаришься, отдохнешь – потом еще поешь.

Зыркнув по-волчьи на однокашника, я хотел было возразить, но почувствовал, что он прав – страшно заурчало в животе, острая боль полоснула бритвой изнутри, выбив слезы из глаз, – здоровенный кусок пахучей буженины, проглоченный мною в три приема, начал мстить отвыкшему за восемь дней от нормальной нагрузки желудку.

Переждав приступ, я осторожно выпил два фужера апельсинового сока и поинтересовался:

– Во что тебе хата стала?

Озабоченно нахмурившись, Вовка с десятков секунд озадаченно шевелил губами, затем беспечно махнул рукой и хитро прищурился:

– Да хрен его знает, братан. По смете – двести «лимонов», застрахована на столь же. А так – ну, под «арбуз» наверняка потянет. Я не считал...

Я хмыкнул и недоверчиво покачал головой. О том, что рэкетеры живут неслабо, я представление имел. Но чтобы так?!

Мы сидели на дощатой террасе, примыкавшей к двухэтажному особняку, покрытому черепицей, и завтракали. Вернее, ел я, а Вовка лениво потягивал сок и жалостно морщил нос, рассматривая меня как нечто особенно странное и удивительное.

Если кто-нибудь в эту минуту ухитрился бы вскарабкаться на трехметровый бетонный забор, огораживающий обширную усадьбу, с тем, чтобы полюбоваться на нас, он ни за что бы не поверил, что совсем недавно – лет этак пять назад – мы с Вовкой были похожи как братья и имели совершенно одинаковое положение в обществе. Потому что в настоящий момент румяный, отлично накачанный Вовка, облаченный в белоснежный махровый халат, мог бы без подготовки сниматься в клипе, рекламирующем протеиносодержащие продукты для культуристов, а я, увы, по всем статьям тянул только на роль статиста из фильма о застенках Бухенвальда...

В последний раз мы виделись года три назад: я приехал в отпуск к бабке, в ставший для меня родным Константинов, и совершенно случайно встретил на дискотеке своего друга-однокашника, выбравшегося на пару деньков к родственникам.

Понятное дело – покуролесили мы с ним слегка: пили-гуляли, с кем-то на пару дрались – уже и не помню подробностей, – вспоминали славные деньки минувшей курсантской поры...

В процессе общения я с удивлением узнал, что мой корешок, прослужив полгода в Зеленогорске, куда он попал по распределению после училища, уволился из войск и подался в рэкет. Удивлял не сам факт Вовкиного ренегатства: многие молодые офицеры, помыкавшись некоторое время без угла и средств к существованию, уходили из войск и пристраивались куда получше – в том числе и в рэкет. Однако в училище Володя Кротовский имел непоколебимую репутацию ярого борца за справедливость и чуть ли не фаната правопорядка. И вот – нате вам!

Тогда, три года назад, новоиспеченный рэкетир настойчиво звал меня к себе, суля золотые горы и аргументированно убеждал, что, рискуя жизнью на своей лихой службе за жалкие гроши, я выгляжу по меньшей мере странно. Поспорив немного по поводу основополагающих пунктов наших столь различных жизненных позиций, мы обменялись адресами и расстались. И даже переписывались до недавнего времени...

Бессонной ночью накануне побега я тщательно рассчитал и взвесил все детали предстоящей акции, обдумал каждую мелочь – как привык это делать за последние пять лет в процессе подготовки к операциям – и пришел к выводу, что, помимо Кротовского, никто более не тянет на роль ключевой фигуры в успешной реализации моего плана.

План был простой и скромный: легализоваться после побега, найти себе временное пристанище, реализовать пол – «лимона» баксов, экспроприированных у Абдуллы (упокой, Аллах, его душу!), а затем не спеша набрать и экипировать небольшой отряд отчаянных парней, годных для диверсионной работы, которым в этой жизни терять уже нечего.

Будучи в розыске, с моей стороны было бы по меньшей мере неостроумно заявиться к матери, которая вот уже пятнадцать лет живет отдельной семьей с отчимом и совместными чадами, или к бабушке, воспитавшей меня. Загадочный полковник Шведов, который в свое время с чудесной быстротой организовал мне тур по Чечне под хорошей «крышей», тоже отпадал: помочь в сомнительном предприятии законопослушному гражданину – это еще куда ни шло, а вступить за удравшего из пенат маньяка-убийцу – это уж извините... Оставался лучший друг – Вовка Кротовский. О житии рэкетиров я имел представление лишь по книгам Корецкого, которого считаю единственным приличным мастером отечественного детектива, – так вот, судя по тому, что он пишет, рэкетирам ничего не стоит отмазать такого чудака, как я, от преследования закона. Естественно, я не ожидал, что Вовка умрет от радости, когда ему на голову невесть откуда свалится объявленный в розыск кореш, но это был единственный шанс – обратиться более было не к кому...

Бросив автозак с запертым в «стакане» водилой в лесополосе на выезде из города, я трусцой пробежал 12 км до вспомогательной грузовой станции, забрался на товарняк и отчалил на северо-восток...

За восемь дней путешествия я наловчился разбираться в системе комплектования товарных составов похлеще любого чиновника МПС, оглох от стука колесных пар и похудел минимум на десять кг, питаюсь ворованными из пристанционных садов фруктами (да здравствует плодоносная осень юга России!).

Насколько активно ведется розыск маньяка – убийцы, отоварившего между делом троих конвоиров и водилу, мне узнать не удалось: по вполне понятным причинам я не рискнул появляться в расположенных у ж/д магистрали населенных пунктах и глазеть на стенды «Их разыскивает милиция»...

К Вовке Кротовскому меня доставили под конвоем и в процессе этого мероприятия обращались со мной не лучше, чем с чуханом на этапе. Даже отвесили три затрешины, когда я попытался было качнуть права. Впрочем, полагаю, что у стриженных ежиком амбалов, которые добровольно взялись за столь неблагодарное дело, были веские основания для недовольства.

Представьте себе: солнечное сентябрьское утро, четверо навороченных качков по-хозяйски расположились за столиком на террасе привокзального кабака, попивают себе пивко на виду трехсотого «мерса» с распахнутыми дверцами и цепкими взглядами пасут живописную людскую толчею у ряда «мини-маркетов», все чинно-благородно... И вдруг, откуда ни возьмись, вылезает грязный, оборванный худобан с волчьими глазами, хватает со стола банку пива, моментально, не спросясь, высасывает ее за четыре глотка и, по-скотски рыгнув, нагло заявляет – мне-де надо срочно повидать Вовку Кротовского! Да за такие штучки – по репе, по репе! Так что три подзатыльника – это еще по-божески.

– Повезло тебе, братан, – резюмировал Вовка, поблагодарив качков за доставку и приглашая меня в свою усадьбу. – Вокзал – земля нашей бригады. Если бы ты так поступил где-нибудь в аэропорту или на автовокзале – там бы тебя моментально поломали. – И поинтересовался: – А почему ты именно к ним подкатил? Дедукцией балуешься?

– Какая, на хер, дедукция! – вяло отмахнулся я, покачиваясь от стукнувшего в башку пива и диковато оглядывая Вовкину усадьбу. – Сидят четверо амбалов – стриженные, круто прикинутые, «мерс» под боком, никуда не торопятся, за толпой секут – понятно, что мужики при деле...

– Ну, понял – учтем, – хмыкнул Вовка и широко развел руками. – Добро пожаловать, братишка. Ты дома...

Так завершился первый этап моих злоключений. Я выложил Вовке все свои заморочки, умолчав лишь про пол – «лимона» Абдуллы и конечную цель – решил, что это ему знать необязательно. Вникнув в мои проблемы и проявив искреннее сочувствие, мой однокашник, оставив меня на попечение своей жены, укатил куда-то на нулевой «Мазде».

Двое суток я беспробудно ел и спал. Вовка где-то пропадал целыми днями, заявлялся лишь под вечер, и мы с ним за ужином употребляли хороший коньяк, толкуя о перспективах моего дальнейшего существования.

Утром третьего с момента прибытия дня Кротовский решил отвезти меня к бригадиру, предварительно поинтересовавшись:

– Ну ты как – вошел в форму, нет?

– А что – какие-то проблемы? – насторожился я.

– Да нет, в общем, – Вовка неопределенно пожал плечами. – Белый вообще-то мужик ничего, однако... Короче – он может прям с ходу тебя на зуб попробовать.

– Зубы свои или вставные? – уточнил я.

– У кого? – озадаченно вытаращился Вовка.

– Да у бригадира у вашего – у кого же еще!

– А-а-а... Зря залупаешься, – нахмурился Кротовский. – Как-то оно еще обернется – хер знает...

– Все в норме, братан! – успокоил я его. – Я в форме. Давай – покатили...

Фазенда Белого и усадьба Кротовского были похожи как две капли воды – с той лишь разницей, что резиденция Вовкиного начальника располагалась за городом, в живописной сосновой роще, и отстояла от остальных фортификационных сооружений «новых русских» на значительном удалении.

«Ну вот, – подумал я, когда мы подрулили к могучим железным воротам, – расстреляют здесь из крупнокалиберного пулемета – никто и не вздрогнет!» А вслух сказал:

– А что, Вовка, – у всех ваших «быков» такие вот стандартные хоромы?

– Я в «быках» уже давненько не числюсь, – ощетинился Кротовский и шумно цыкнул зубом – было заметно, что он слегка нервничает. – А вот тебе на первых порах придется поупираться. Если все путем выйдет...

После третьего сигнала клаксона ворота бесшумно отъехали в сторону, и мы оказались на внутренней территории двора. Я завертел башкой на 180 градусов и принялся усиленно изучать обстановку. Увы – меня ждало горькое разочарование.

На обширной территории усадьбы повсюду в неровных клумбах без опалубки росли жухлые цветочки, а у ворот, за дощатым столом рубились в «козла» двое престарелых стариков, один из которых и впустил нас, даже не поинтересовавшись через переговорное устройство, кто же это явился – такого устройства в усадьбе бригадира просто не было...

– Пффф... Скучно, однако, – высказался я. – Никаких прибамбасов.

– Ага, никаких, – согласился Вовка, выбираясь из машины. – Белый у нас аскет. Водку не пьет, не курит, босиком ходит, спит с «мамой». Хочет жить долго, – и поинтересовался у пенсионеров: – Пишет?

– Пишет, пишет, – прошамкал сидевший к нам лицом старик. – Он всегда пишет.

– Пошли, – Вовка махнул мне рукой и двинулся в обход дома. – Шеф в беседке – роман пишет.

– А про что роман? – спросил я, догоняя Кротовского. – Он у вас что – ко всему прочему еще и писатель?

– Про мафию роман, – объяснил Кротовский. – Уже третий год пишет – надеется, что после смерти опубликуют.

– В смысле – про вас, что ли?

– Да ну, скажешь тоже – про нас! – Вовка криво усмехнулся. – Мы – бригада. Пахари мы – кони гужевые. А мафия – это там. – Кротовский ткнул большим пальцем вверх и опять цыкнул зубом.

В небольшой беседке, обильно увитой плющом, было отнюдь не комфортабельно. На деревянном топчане, покрытом половиком, лежал на животе худощавый белоголовый мужик, который, примостив под грудь две подушки, сучил босыми ногами, отгоняя лениво донимавших его мух, и что-то писал в толстенном гроссбухе, разлинованном жирной тушью. Посреди беседки располагался обшарпанный деревянный стол с круглой крышкой, а на столе – старенький проводной телефон с высокими рогами и латунным наборным диском. Вот и весь интерьер летнего кабинета творческой личности, каковой, вне всякого сомнения, почитал себя бригадир.

– Здорово, Михалыч, – кашлянув, произнес Вовка. – Мы здесь.

– Угу, вижу, – отозвался бригадир, отрываясь от писанины, и, кряхтя, уселся на топчане. – Здорово, хлопцы. Доклад. – И уставился на меня белесыми глазами, слегка наморщив седые брови, отчетливо выделявшиеся на кирпично-красном аскетическом лице.

– Какой доклад? – Я недоуменно пожал плечами. – Вы, наверно, и так все знаете – Вовка же рассказывал...

– Да нет, сынок, – оборвал меня Белый. – Ты доложи, чем ты себя мнишь и как жить далее собираешься.

Ну фрукт! Даже сесть не предложил... Доложи ему!

– Да вот – в бригаду к вам хочу, – скромно сообщил я. – Могу быть полезен для вашего дела. Деваться мне некуда.

– Все? – уточнил бригадир.

– Ну да, все, – я опять пожал плечами. – А что еще надо? Вот он я – хотите, берите, не хотите – пешком постою.

– Ну все так все, – согласился Белый и неожиданно добавил: – Ты мне пока что не нравишься.

Я возмущенно фыркнул и заявил:

– А я не баба, чтоб вам нравиться! Тоже мне!

Вовка ухватил меня за рукав и попытался осадить.

– Да не лезь ты! – Я досадливо отстранился и продолжил: – Я вам себя предлагаю для работы, а не на конкурс красоты. Скажите сразу – берете или нет. Чего зря базарить!

– Ну! – удивленно воскликнул Белый и погрозил мне пальцем: – Не суетись, малыш, целее будешь! Ты вот что – послушай, что я скажу, и попробуй хоть один пункт опровергнуть. Только аргументированно! – Он начал загибать пальцы: – Тебя по всей России ищут – раз...

– Вовка сказал, что фотографий на стендах пока нет, – возразил я. – Может, и не ищут в вашем городе.

– Это херня, – беспечно махнул рукой бригадир. – На портреты у них сейчас бабок нет. А вот ориентировочки на тебя в каждом отделении лежат – проверяли. Но это еще полбеды... – Бригадир потыкал в мою сторону указательным пальцем. – Помимо ментов тебя чеченцы ищут. Это худо. Эти покруче ментов...

– А-а-а! Испужались? – ядовито осклабился я. – Надо же, а? На российской земле русская мафия боится каких-то занюханных «чехов»! Во бля – докатились!

– Ты за базаром следи, малыш, – посоветовал Белый и счел нужным пояснить: – Мы никого не боимся. Если надо – костями ляжем, но не дрогнем. Только вот надо ли?! Ты погляди, какой ты проблемный: ксиву тебе выправлять – целое дело! Легенду надо соорудить от роддома и по сей день – и чтоб по буквочкам все было, без разночтений. Надо, чтобы труп твой нашли и опознали – только в этом случае тебя искать перестанут. Ну а ежели где-то прокол, а? – Бригадир сощурился и недружелюбно подмигнул мне. – Не дай бог – чеченцы это просекут,

тогда у нас будет большая заморочка, сынок... Бойцов у меня хватает, свистну – на вакантное место сразу очередь, и все с чистыми биографиями! А ты? Ты всего-навсего Вовкин друг с целым ворохом проблем, и неизвестно – будет ли отдача...

– Будет, будет, – поспешил я уверить бригадира, решив более не перечить – верно он посчитал, я для них сплошная обуза, без единого пока проблеска. – Вы меня испытайте, попробуйте в деле – я не подведу.

– А как же, обязательно, – согласился Белый, поднявшись с топчана и двинувшись к выходу из беседки. – А ну – иди-ка туда, – сказал он, выйдя наружу, указав на небольшую лужайку неподалеку от беседки.

Я направился туда, озираясь по сторонам и ожидая, что сейчас из-за дома выскочат какие-нибудь необъятные амбалы и с ходу начнут меня нянчить.

– Не глазей, солдат, никого не будет, – успокоил меня Белый. – Со мной побарахтаешься чуток – с тебя хватит.

– Михалыч, он сейчас не в форме, – Вовка вдруг побледнел и вспотел лбом. – Он же это... ну, восемь суток не жрамши, а до этого неделю баландой пробавлялся! Давай, я покормлю его с недельку, отдохнет – потом уж... а?

Я удивленно уставился на Кротовского – что это он лопочет? Белый внешне совсем не тянул на крутого бойца – уж я-то в этом соображаю! Узок в плечах, худоват, под вылинявшей штормовкой отчетливо проступают ключицы, рукава свободно болтаются на костистых руках... Да и по возрасту я ему в сыновья гожусь. На мастеров кун-фу он тоже не похож – те ходят по-кошачьи, в каждом движении чувствуется скрытая сила и превосходство. А этот вон ступает косолапо, переваливаясь, как уточка, трико на заднице обвисло...

– А я и не собираюсь его особо мордовать, – успокоил Белый и поманил меня рукой, останавливаясь в центре лужайки. – Так, показательное выступленье... Должен я посмотреть, каков он в рукопашке, или нет?

– Обязательно должны, – согласился я, – приближаясь к бригадиру и на ходу разминая кисти рук, – чего брать кота в мешке?

– Ну что – готов? – спросил Белый. – А то разомнись, если надо.

– Я всегда готов, – снисходительно сообщил я и усомнился: – А вот с вами-то как? Как бы мне вас, уважаемый Михалыч, не покалечить ненароком. Я давно не спарринговался, чувство контакта утратил – могу сильно ударить невзначай. Потом ваши ребята меня за это отрихтуют.

– Ой, да покалечь меня, сынуля, покалечь! – обрадованно воскликнул Белый – в глазах его блеснули озорные искорки. – Вот те крест – Вовка свидетель: ежели покалечишь, ничего тебе за это не будет! Это я тебе гарантирую... Пошел!!!

– Ну ладно, раз так, – согласился я. – Получайте! – И, сделав замысловатый пасс руками, резко подсек бригадира «вертушкой», от души надеясь, что дядечка успеет сгруппироваться, падая на спину – не грохнется плашмя всеми костями.

Дядечка резво подпрыгнул, пропуская под собой мою ногу, и молниеносно наградил меня кулаком по темечку – как кувалдой жажнул! Вот так ни фую себе! На миг в глазах потемнело – машинально я кувыркнулся вперед, подальше от противника и присел в низкой стойке, выставив перед собой руки. Давненько меня так не потчевали! А ты, дядечка, ничего – шустрый. Только зря так ехидно улыбаешься – ща я те выдам по полной программе!

Помотав башкой, я вперепляс подскочил к переминающемуся с ноги на ногу бригадиру и принялся работать во всю силу, не заботясь более о том, чтобы случайно не травмировать такого невзрачного с виду мужичонку.

Белый оказался из того же теста, что и я: он в совершенстве владел школой рационального боя, которая никаким боком не относится к спортивным единоборствам и целью своей имеет наиболее качественное умерщвление врага любыми доступными способами, обладал великолепной реакцией и большой выносливостью. Мы очень активно рубились минуты три –

целая вечность по меркам рукопашки. Кротовский верно подметил: последние две недели не самым лучшим образом сказались на моих бойцовских качествах. Первую минуту я наседал на Белого и даже исхитрился несколько раз его довольно прилично зацепить, однако очень быстро выдохся, наловил плюх и в конечном итоге оказался в глубоком нокауте. Короче, если бы мы схлестнулись по-серьезному, этот престарелый парниша уже к концу первой минуты боя открутил бы мне башку. Вот так мужичок! Угостил молодого, нечего сказать...

– А ты ниче... хорош! – тяжело дыша, объявил Белый, с удивлением глядя на меня. – Давненько я не встречал такого бойца, давненько. Я уж, грешным делом, думал – перевелись богатыри на Руси! Полагаю, ежели тебя покормить да потренировать – намял бы бока старому. Ну, ну... А ну-ка! – Бригадир вдруг развернулся и трусцой припустил к беседке. Я сел на задницу, бестолково мотая гудевшей, как колокол, башкой, и принялся восстанавливать дыхание. Из беседки выскочил Белый, держа в руке пистолет с глушителем, и через всю лужайку швырнул его мне.

– А ну – катись по травке и пуляй в бутылки! – повелительно крикнул бригадир, тыча указующим перстом куда-то влево. – Давай, давай – катись!

Словив пистолет, я обнаружил, что это родной «спецмакаров» с глушаком, тихо порадовался этому обстоятельству и, поискав мутным взглядом, обнаружил мишени. Метрах в двадцати от меня на длинном стеллаже у забора стояло что-то около десятка разнокалиберных бутылок из-под молочных продуктов. Да, шустер ты, дядечка! Это по-спокойному со свежачка стрелять – нечего делать, а попробуйте-ка покататься по травке после того, как вас отмудохал мастер рукопашки, да попадите-ка куда надо! Тут и у снайпера высшей категории очко заигрывает... Однако не зря же боевая машина спецназа по прозвищу Сыч сожгла три тысячи патронов, стреляя из различных видов оружия в разных условиях – опыт, он и в Африке опыт, его голодом и тюремной баландой не задушишь!

Сняв предохранитель, я взвел пистолет и, покотившись влево, обработал мишенную обстановку. Перекат – упор – выстрел – и так восемь раз. Шесть бутылок разлетелись вдребезги, на последних двух в голове совсем помутилось, и, пальнув наобум в направлении забора, я лениво растянулся на травке, не желая вставать.

Подойдя ко мне, Белый протянул руку и уважительно сказал:

– Могешь, спецназ... Могешь. Нету у меня таких.

Поднимая меня с земли, бригадир обернулся к Вовке и сообщил:

– Забирай. Корми, лечи – будем брать. Денька через три-четыре попробуем его в деле...

Глава 4

Четверо суток я жил у Кротовского и увлеченно предавался любимым занятиям: активно уничтожал высококачественные продукты, беспробудно спал и читал книги – Вовкина супруга всерьез увлекалась историей и собрала довольно приличную библиотеку, пополняя ее в основном за счет дорогих букинистических подвалов.

Несколько раз Вовка вывозил меня на экскурсии: показывал город вообще и владения кировской бригады в частности. Город оказался достаточно большим: полтора миллиона жителей (если верить статистической отчетности), несколько музеев, два театра и множество промышленных предприятий, вольготно раскинувшихся на площади 12 тысяч кв. м.

Владения бригады тоже не подкачали: шесть хороших кабаков, рынок, 23 забегаловки, ж/д вокзал и речпорт – есть над чем работать.

По ходу экскурсий Кротовский односложно комментировал наличие того или иного заведения, обозначая степень его принадлежности: «Наш кабак...», «Наш рынок...», «Наш магазин...» – А один раз, когда мы в обеденный перерыв проезжали мимо мединститута и обнаружили целую армию симпатичных студенток в белых халатах, кореш мой кивнул в их сторону и привычно разинул рот – я было подумал, что он сейчас вякнет: «Наши телки», – но Вовка только плотоядно крикнул и, ласково сощурившись, сообщил:

– Приличных ног и грудей у нас – завались. Гребни – не хочу... – после чего покровительственно похлопал меня по плечу и пообещал: – Ну ниче, братан, попозже они к тебе штабелями будут падать. Заимеешь хату, тачку... Я вот тоже, – Кротовский опять крикнул и погрустнел, – если б не жена – тогда да, тогда бы я развернулся...

Тут кореш мой несколько кривил душой: если бы не жена, ни хрена бы он не развернулся – наверняка до сей поры ходил бы в «быках». Вовкина жена была дочерью Белого – отсюда и высота положения, статус, так сказать...

Дело, в котором обещал меня проверить бригадир, оказалось весьма заурядным «наездом» на зажавшегося клиента. Необычным был лишь способ осуществления этой затеи.

Суть проблемы заключалась в следующем: некто Гагик Хачапурян, проживающий на территории Кировского района, выкупил участок рядом со своей усадьбой, огородил его забором, который примыкал вплотную к ограждению его двора, и построил на участке просторный домик с прибабасами в стиле ренессанс. А в домике соорудил весьма приличную харчевню на армянский манер: шашлыки-люляшки, пиво-вино-зелень, восточная музыка и так далее. И вот уже более месяца эта харчевня благополучно функционировала, доставляя радость армянскому люду, в изобилии проживающему в славном русском городе Зеленогорске, повышая уровень холестерина в крови Белого.

Дело в том, что каждый владелец подобного заведения, располагающегося на территории Кировского района, отстегивал бригадиру солидную сумму за «крышу», а Белый, в свою очередь, брал этих владельцев под свое крыло, выставляя в кафе и кабаках «блокпосты»: парутройку «быков» при стволах и «Моторолах», которые следили за порядком. В случае возникновения какой-либо проблемы, с которой «блокпост» разобраться сам был не в состоянии, к указанной точке моментально подлетала «группа быстрого реагирования» – полтора десятка вооруженных лентяев, мучившихся от безделья в усадьбе одного из приближенных бригадира. Система простая и чрезвычайно отлаженная – обе стороны она устраивала во всех отношениях.

В данном же случае возникла небольшая неувязочка: хитрожопый Гагик, владевший сетью магазинов, расположенных на территории Заводского района, граничащего с Кировским, наотрез отказался платить Белому за «крышу», а в личной беседе с ним нагло заявил (по информации Кротовского): «Дело у меня на земле бригады Соленого – ему и плачу. А здесь – мой двор, мой дом. В своем дворе что хочу, то и творю. Ты-то тут при чем?!»

На резонное замечание Белого по поводу того, что времена ныне лихие и какая-нибудь залетная шпана может ненароком похулиганить в харчевне, Хачапуриан высокомерно заметил: меня-де в этом городе каждая собака знает, и потому опасаться мне нечего. Короче, отбрил бригадира.

Итак, харчевня осталась без «крыши» – «быки» Соленого хачапуриановское заведение не стерегли, бригадир Заводского района был не дурак, чтобы залезать на чужую землю.

Естественно, Белый запросто мог бы послать своих ребятишек, чтобы они организовали разгром в харчевне, но в этом случае ему пришлось бы ответить за беспредел: каждого парня из бригады в Кировском районе знали как облупленного, и уже спустя полчаса после «наезда» весь город был бы в курсе, что Белый ни за что ни про что «торцанул» парнишу, который исправно платит не только за «крышу», но и в «общак» – на всякий пожарный. В Зеленогорске, как и в других крупных городах России, существовала крепкая «община», возглавляемая вором Карапетом – своеобразная третья сила, регулирующая систему взаимоотношений между группировками и их клиентами. В общем, положеньице складывалось весьма скверное: наглая армянская рожа творила на земле Белого что ей вздумается, а дать ей ниже пояса представлялось весьма проблематичным...

Моя задача была очень проста: зайти ненароком в харчевню, заказать жратву и между делом залупить по какому-нибудь незначительному поводу, устроив громкий скандал, который мог иметь два равновероятных исхода. Если мне удастся кого-нибудь там покалечить и разнести вдребезги интерьер, цель будет достигнута: какой-то никому не известный хулиган нашкодил в заведении уважаемого человека. Этого следовало ожидать, у предприятия нет «крыши». А ведь предупреждали! Если же отоварят меня, Белый моментально поднимет шум, поставив в известность всех, кого касается, что Гагиковы людишки – скоты недоразвитые – избили ни за что ни про что полноправного члена кировской бригады, недавно влившегося в коллектив, а потому никому еще не знакомого. А что за такие штуки полагается, наверно, сами прекрасно понимаете... В общем, и так и этак для Белого выходило «очко» – я очень своевременно подвернулся ему под руку.

Второй вариант мне был не в кайф: по простоте душевной я даже предположил, что, если меня в этой харчевне замордуют вусмерть, такой расклад Белого тоже вполне устроит. И бригаде плюс, и хлопот меньше. Однако отступить было поздно.

Белый оказался нехилым стратегом и мастером разработки операций. Накануне вечером хачапуриановским домочадцам позвонили якобы из ГТС и предупредили, что будут чинить их участок. И моментально обрезали кабель. А с раннего утра в кустах на подступах к усадьбе уже стояли четыре тачки с генераторами помех – где они их откопали, я не в курсе – и добро-совестно глушили сотовые телефоны, каковые, по предположению Белого, могли оказаться у Гагиковых клиентов и членов семьи.

В 10.00 я, будучи облачен в кудлатый парик неопределенного колера, приклеенный непосредственно к бритому черепу клеем «Уникум», и джинсовый костюм с чужого плеча, беспрепятственно вошел в харчевню и, оценив обстановку, занял столик, расположенный в дальнем углу у стойки бара, который я выбрал по двум причинам. Во-первых, мне совершенно не приглянулся богатый набор кинжалов, висевших на ковре слева от входа. Во-вторых, именно на этом столике красовалась табличка: «ЗАНЯТО». Плюс рядом стоял большой красивый торшер.

Вольготно расположившись в плетеном кресле, я принялся томным взором изучать подробности обстановки, постукивая ногтями по пустому пузатому графинчику из столового набора.

Из-за раннего времени посетителей было раз, два и обчелся. Трое армяшек в углу под ковром с кинжалами о чем-то оживленно спорили, эмоционально размахивая руками в перстнях. Двое солидных дядек сидели у входа и ожидали заказ. За стойкой торчал молодой горбоносый парниша с трехдневной щетиной и читал «СПИД-инфо». При входе, слева от харчевни,

я заметил двух брюнетов в несвежих фартуках, которые возились с мангалом. Итого на данном этапе восемь рыл, причем все без исключения – «носороги». Так кировская братва дразнит армяшек.

– Эй, эй, ну-ка, пересядь! – Горбоносый парниша, отложив наконец журнал, невежливо потыкал в мою сторону пальцем. – Этот столик для особых гостей.

– Да ну на фуй – ну кто к вам в такую рань припрется! – миролюбиво разулыбался я, придурковато подмигивая парнише и похлопывая ладонями по полированной поверхности стола. – Пересаживаться, в натуре – облом. Мне тут в кайф, мальчик, я здесь похаваю!

Парниша на миг смешался и зыркнул в сторону посетителей – те не замедлили подключиться.

– Э! Че – непонятно?! – откинувшись на спинку кресла, протер ко мне короткопалую руку весьма кучерявый толстяк с греческим профилем – один из троицы под ковром. – Тебе же сказали – пересядь! Че – глупый, что ли?!

– Мне тут в кайф! – упрямо повторил я, разводя обиженно руками. – Где хочу, там и сижу – демократия. И я не глупый – не гони по себе!

Наверно, толстяк когда-то баловался борьбой – судя по фигуре, и, вне всякого сомнения, почитал себя весьма достойным джигитом. Я же, в его представлении, скорее всего выглядел ходячим недоразумением: этакий худющий, плохо прикинутый, патлатый русак, ненароком забравшийся в армянское логово. Разразившись коротким ехидным смешком, толстяк похлопал себя по ляжкам и обратился к аудитории: – Нет, вы видали, а?! Он сюда пришел и еще чего-то вякает! Он еще рот свой разевает!

– Давай пересядь, – угрюмо посоветовал один из тех, что сидели у входа, – здоровый мрачный дядька с короткой прической. – Или лучше вообще вали отсюда, пока не началось. Тут таких не обслуживают – не заметил, что ли?

– А вот хрен тебе! – огрызнулся я и возмущенно выступил: – Чем я хуже вас, ап?! Почему вас обслуживают, а меня – нет? Руки, ноги, голова – все, как у всех, я вам, бля, не инопланетян какой! Я не понял – вы че, думаете, тут вам филиал Еревана, да?! Вы на российской земле – не хера командовать!!!

Толстяк, успокаивающе махнув на привставшего с места мрачного здоровяка, скрипуче выбрался из кресла и, приблизившись разлапистой походкой, ухватил меня за шиворот, извлекая из-за стола.

– А ну – пшшел! Пшшел отсюда, скотина! – злобно пробормотал он, разворачивая меня лицом ко входу. – Давай, давай – пока тебе тут сраку не порвали!

– Оооаа!!! – заорал я, цепляясь за стол и дергаясь, как паралитик. – Русских бьют!! «Носороги» беспредельничают! Геноцид, бляааа!!!

– Да никто тебя не бьет, чмо ходячее! – нервно вскрикнул толстяк. – Руки об тебя марать запахло! – И, отступив на шаг, смачно пнул меня по заднице.

Получив пинок, я по инерции проскочил пару метров вперед, под смех почтенной публики, затем ретировался на исходное положение и внезапно резко лягнул толстяка ногой в пах. Бывший борец пронзительно взвизгнул, сложился пополам и плавно осел на пол, скорчив предсмертную гримасу.

– Ну вот! Вы все видали – он первый начал! – смиренно заявил я, отступая к массивному из резной древесины торшеру, и сокрушенно покачал головой: – Ну и порядки тут у вас! Человек похавать пришел – а его поджопниками угощают! Моим корешам это не понравилось бы!

О! Пошло движение! Мрачный здоровяк и его сосед – тоже неслабый дядечка – синхронно вскочили, опрокидывая легкие кресла, и стремительно направились ко мне, лавируя меж столов. Горбоносый парниша вышел из-за стойки бара и в нерешительности застыл на проходе, слегка разинув рот. Двое на заднем плане – соседи сложившегося толстяка – тоже встали и начали не спеша подтягиваться к месту событий.

– Ну вот – опять! – тоскливо вскричал я, притворно заламывая руки и горестно мотая башкой. – Пришел пожрать, а «носороги», бляди такие, не дают!!! Вы че, в натуре – совсем офуели?!

Хрясть!!! – это мрачный здоровяк, неосмотрительно нарушивший дистанцию безопасного удаления, схлопотал креслом по черепу. Череп оказался на удивление крепким, а потому с чрезвычайной легкостью пробил камышовую спинку и намертво застрял в ней.

Не выпуская ножек кресла из рук, я на всякий случай пнул здоровяка в пах и, мотанув его пару раз в стороны, как из пращи зарядил этим сооружением в соседа мрачного – тож неслабого дядечку. Получилось очень даже неслабо: дядечка совместно с приятелем смели три столика и совсем немягко приземлились на уставленный цветочными горшками подоконник, под аккомпанемент болезненных криков и смачного звона выдавленной витрины. От приложенного усилия я не удержался и всей массой плюхнулся на скрючившегося неподалеку толстяка, который уже слегка оклемался и пытался самостоятельно встать.

– Во бля!!! Развелось вас тут – русскому человеку упасть негде!!! – возбужденно заорал я, коленом отдавливая промежность завизжавшему вновь толстяку, и, вскочив, бросился разуккомплектовывать торшер – как раз самое время.

Двое на дальних подступах сноровисто посрывали с ковра кинжалы и направились ко мне, подогревая себя воинственными криками. С улицы в харчевню влетела еще пара «носорогов» – те, что возились во дворе с мангалом. Они оказались при тесаках, с ходу оценили обстановку и также двинулись на приступ. Довершал картину горбоносый парниша у стойки бара: метнувшись туда-обратно, он вооружился двумя литровыми бутылками «Кремлевской», нетерпеливо подпрыгнул и остался на месте, оглядываясь на подступающие основные силы – не решился возглавить атаку...

Ну, что еще? Хрясть! Баммм! Трах-тарарах-та-тах!!! Как оказалось, хороший торшер в умелых руках по силе разрушительного воздействия эквивалентен крупнокалиберному пулемету. Спустя три минуты на харчевню было жалко смотреть: я уничтожил два холодильника, телевизор с видеком, расчленил музыкальный центр и вообще разнес вдребезги все, что поддавалось ударному воздействию, включая четыре оставшиеся витрины и люстры. Все «носороги» остались живы: я специально обошел их и пощупал у каждого пульс, а тем двоим, что вывалили витрину, пришлось добавить по кумполам – крепкие оказались дядечки.

К концу представления возле харчевни образовалась публика: три толстые горбоносые тетки разных возрастов, в цветных халатах, шерстяных полосатых гольфах и повязанных на пояс пуховых платках, и целая куча кучерявых черноглазых ребятишек.

Вся эта массовка истошно визжала и хаотичными скачками перемещалась возле входа – наподобие вечно голодных павианов, находящихся в питомнике.

Показав публике козу, я отошел на безопасное расстояние и, перекрикивая гвалт, сделал заявление:

– Мне тут у вас понравилось! У нас в Лупандерово таких кабаков нет! Давайте – приберитесь тут, порядок наведите – на следующей неделе я с корешами опять подкачу! – после чего беспрепятственно вышел за ворота, дико гикнул на любопытствующих прохожих, столпившихся неподалеку, и галопом припустил к автобусной остановке, где меня очень скоро подобрал подскочивший на «Мазде» Кротовский...

Глава 5

Логическим завершением представления, которое я устроил в частном владении Хачапуриана, явилась безболезненная и почти добровольная сдача последнего под «крышу» Белого. Полагаю, что нужно отметить следующее: вышеупомянутой сдаче предшествовали два незначительных события, которые никоим образом не повлияли на ход разработанного Белым мероприятия, – обращение хитрожопого сына армянского народа к бригадиру Заводского района с просьбой организовать охрану заведения и тотальный шмон, устроенный в тот же день «быками» Соленого в пригородном поселке Лупандерово на предмет розыска вредоносного патлатого буяна, разбившего вдреизг харчевню и прибившего между делом восьмерых «носорогов».

Ни то ни другое результата не имело: «быки» Соленого, сопровождаемые тремя потерпевшими (остальные участники водевиля на некоторое время поселились в травматологии областной поликлиники), разумеется, никакого хулигана в Лупандерово не обнаружили, а взять под охрану харчевню бригадир Заводского района отказался наотрез – и уже не в первый раз. Как уже упоминалось выше, Соленый дураком не был – дураков на таких должностях не держат.

За сие деяние я был слегка обласкан Белым и поставлен в известность, что более о своих проблемах могу не беспокоиться: бригадир пообещал вплотную заняться моим судьбоустройством в самое ближайшее время. Я продолжал валять дурака, понимая, что этому скоро придет конец.

Денька этак через четыре я решил покинуть гостеприимную усадьбу Кротовского по весьма интимной причине: по мере моей адаптации молодая и смазливая дочь бригадира, торчавшая дома целыми днями, начала вызывать у меня непреодолимое сексуальное желание. И что самое страшное, ее поведение в какой-то степени провоцировало меня все время думать о своих грязных помыслах.

Будучи верен кодексу боевого братства, я честно уведомил Кротовского о складывающейся ситуации и попросил его помочь перебраться на другую хазу. Озабоченный Вовка моментально все бросил и уже к вечеру этого же дня подыскал мне полдома в частном секторе – за весьма умеренную плату, с телефоном, а также с одинокой бабкой, имеющей довольно экзотическое имя – Жанна Христофоровна, а помимо имени еще добротный склероз и частичную глухоту.

После этого мой кореш самостоятельно взял на себя решение моих физиологических проблем, рассудив, по-видимому, что в данной ситуации как нельзя более уместен основной принцип гомеопатии – подобное подобным.

Уже ближе к вечеру, когда я закончил обустроиваться на новом месте, Кротовский вывез меня в одно бардачное заведение, которое он то ли по простоте душевной, то ли просто по хилости ума обозвал «уютным местечком». В этом гнусном вертепе, обосновавшемся на какой-то левой даче неподалеку от выезда из города, предавались разнообразным утехам довольно подозрительные личности – Кротовский всех их знал и при встрече радостно лобызался с каждым. Один из них пытался заставить меня уколоться какой-то дрянью, другой предлагал купить анашу, а когда я от всего отказался и спросил – нет ли у них коньяка, мне сообщили, что я весьма странный тип и многое теряю.

Вовка, с ходу взятый в кольцо тремя не совсем одетыми девами, посоветовал мне не стесняться и делать все, что в голову взбредет, – только никого не убивать. Поскольку у меня в голове вертелась одна мысль – малость потрахаться, я прошвырнулся по даче, во всех углах напоролся на разнообразный разврат и наконец в одной из комнат обнаружил двух чрезвычайно соблазнительных девиц, с виду вполне нормальных – ну разве что слегка окосевших –

то ли от ширева, то ли от обычного алкоголя. Телки томно смотрели друг на друга, пили вино и сладострастно зевали. Я без обвиняков предложил одной из них остаться со мной, а второй прогуляться на полчаса, но они пожелали остаться обе и с ходу – даже не спросив, как зовут, – начали меня ласкать, заявляя при этом, что я отличный парниша и они страшно рады тому, что я их посетил.

Начало мне понравилось, хотя, если честно признаться, я не был твердо уверен, что сумею полноценно ублажить сразу двоих – да еще таких вот изошренных. Далее, однако, сценарий нормального группового секса внезапно усугубился садомазохистскими элементами: раздраконив меня до критического состояния, девицы извлекли откуда-то пару наручников и здоровенный бич, наподобие того, чем пользуются сельские пастухи, и страстно пожелали пристегнуть вашего покорного слугу к кровати, а затем отлупцевать этим самым бичом. Ну, это они погорячились: с некоторых пор у меня на наручники аллергия, а потому я вывернулся из цепких объятий, быстренько пристегнул одну милашку к кровати, вторую к батарее и с той, что на кровати, решительно произвел нормальный половой акт безо всяких садомазохистских примесей. Получилось очень даже неплохо, хотя тоже не без странностей: в процессе коитуса моя партнерша взволнованно вопила: «Расчлени меня! О-о-о-о! Вырви мне печень! Сломай меня!» и так далее. Это меня, однако, не особенно расстроило – я целенаправленно продолжал ритмичные движения, а вот момент эякуляции мне чуть было не подпортили: буквально на последнем десятке фрикций в комнату откуда ни возьмись ворвался голый и чрезвычайно волосатый субъект явно гомосецьего обличья, вскочил на кровать и шустро пристроился сзади, лобызая мне спину слюнявыми губами и активно пытаясь возлюбить меня через анус. Может быть, такими вот изошрениями ныне развлекается так называемая «золотая молодежь», пресытившись обычным постным сексом между двумя уединившимися разнополюми особями – не знаю, не знаю. Я в таких вещах не разбираюсь, а потому я двинул локтем слюнявого гомосека так, что он замертво рухнул с кровати, а сам поднапрягся и благополучно завершил акт полноценным семяизвержением. Затем я привел гомосека в чувство и отправил его за сигаретами, определив для этого срок в три минуты и строго предупредив, чтобы не вздумал притащить «заряженных» – а то башку оторву. Волосатик оказался весьма исполнительным – буквально спустя минуту я был наделен непочатой пачкой «Кэмела» и одноразовой зажигалкой.

Удалив гомосека, я перекурил, собрался с духом и поставил скучавшую у батареи деваху в позицию № 4 (см. учебник Камасутры для подготовительного отделения набережночелнинской школы сутенеров, Воениздат. 1976 г.), освободил ее аппетитную попку от ненужных условностей под аккомпанемент мазохистских стенаний и вскриков и отпользовал эту извращенку так, что к концу акта у нее пропал дар речи.

После этого я зачем-то присоединился к большой компании в холле; там был Кротовский; мы пили водку, все ржали как сумасшедшие, и какой-то скользкий прыщавый тип вновь пытался ощупать мою задницу, жарко шепча на ухо, что я отстал от жизни и все творческие натуры в наше время склонны к раздвоению личности и трансвер... транссекс... тьфу, язык сломаешь, – короче, как я понял, – они, эти творческие, все – педики.

Решив, что скандалить при таком большом стечении публики в заведении, где тебя удовлетворили, было бы не совсем пристойно, я тихо сообщил прыщавому, что хочу с ним уединиться, и попросил его прихватить с собой плоскогубцы. Прыщавый просиял и куда-то устремился, озарясь туманной улыбкой, однако тотчас же вернулся, склонился к моему уху и недоуменно спросил: для чего плоскогубцы? Как это для чего? Я, перед тем как трахнуть, выщипываю плоскогубцами волосы с лобка у партнера – иначе не могу возбудиться, ласково сообщил я прыщавому, после чего он с опаской отодвинулся и больше за весь вечер ни разу не подошел ко мне...

Больше я в этом паблик-хаус не появлялся, решив, что еще не созрел окончательно для такого рода развлечений, а Кротовскому, позвавшему меня туда в следующий раз, уклончиво сообщил, что мне надо тренироваться, чтобы обрести форму, чем вызвал его недоумение.

Итак, меня к бригадному труду не привлекали. Десять дней я был предоставлен сам себе и занимался тем, что тренировался по прогрессирующей сетке во дворе до седьмого пота, бегал, прыгал, питался и спал.

Ежедневно меня посещал Кротовский, привозил продукты, интересовался успехами и периодически ненавязчиво предлагал навестить вечером «уютное местечко». Я отказывался, Вовка сокрушенно вздыхал и отправлялся восвояси – одному ему, видишь ли, не в кайф туда переться.

В общем, все вроде бы складывалось благополучным образом: процесс легализации вскоре обещал завершиться, времени свободного навалом, питание подвозят и... и периодически звонят, напоминая, кто я есть на самом деле.

Первый звонок прозвучал в ту же ночь – после возвращения из «уютного местечка». Я умудрился изрядно принять на грудь и потому долго не хотел выходить в прихожую, несмотря на сердитый призыв Жанны Христофоровны, которая сообщила, что кто-то желает со мной пообщаться. Было что-то около двух пополудни, когда я выскользнул босиком в прихожую, поджал пальцы на холодном полу и взял трубку, пытаясь сообразить, что могло понадобиться Кротовскому от меня среди ночи. Может быть, объяснение для жены по поводу нашего вечернего отсутствия? В том, что звонит Кротовский, я ни капельки не сомневался – в этом городе... да что там в городе! – во всем мире только он один знал мои координаты.

– Я пьян, зол и страшно хочу спать, – с ходу нарычал я в трубку и капризно предупредил: – Только о-о-очень веская причина может тебя извинить, Вовец. Давай, излагай!

– Здорово, Сыч, – отрывисто произнес молодой баритон и неприязненно поинтересовался: – Ты что – всем подряд докладываешь о своем состоянии?

Хмель моментально выветрился из меня – будто стакан нашатыря зарядил. Мгновенно вспотев, я медленно сполз по стенке прихожей, скрючился возле телефонной тумбочки и, максимально расслабившись, молниеносно произвел в уме все доступные мне вычисления. Пунктуальная аналитическая система боевой машины по прозвищу Сыч незамедлительно выдала однозначный ответ: этот голос мне незнаком. Тем не менее его обладатель звонил в два часа ночи и обращался ко мне, употребляя мою боевую кличку, которая известна не только друзьям и сотрудникам правоохранительных органов, но и ряду других заинтересованных лиц.

– Кто это? – поинтересовался я будничным тоном. – И почему так поздно?

– Конь в пальто, – все так же неприязненно сообщил баритон. – Меньше знаешь, крепче спишь. Ты лучше вот что скажи – как у тебя делишки? Ты в этом городе навсегда собираешься остаться? И все у тебя получается, да?

– Что получается? – не вполне сообразил я. – И потом – почему я должен докладывать какому-то незнакомому типу о своих делах?

– Ну-ну, – скрипуче буркнул баритон, – деловая колбаса! Короче, мы тебя вычислили, мальчик. Вот и соображай. – И, не прощаясь, положил трубку...

Страшная пытка. Если бы я знал наверняка, что меня вычислили «духи», это было бы весьма огорчительно, но вполне знакомо и понятно: а ля гер ком а ля гер⁷, как говорится. Однако киллер, нанятый чеченцами (звонил явно русак), может звонить жертве и предупредить, что ее вычислили, только в том случае, если он полный идиот, или... или в том случае, если он желает, чтобы жертва по каким-либо причинам избежала своей участи. Потому, например, что он, этот киллер, близкий друг жертвы. Но тот, кто звонил, не был моим другом – это не ходи к гадалке. Не был он и сотрудником правоохранительных органов: в против-

⁷ На войне как на войне (*фр.*).

ном случае у моего двора давно бы уже ползал по кустам СОБР и какой-нибудь подполковник милиции, облаченный в бронежилет, хрипло орал в мегафон условия сдачи. Потому что я – маньяк-убийца, психопат и сволочь, с такими сотрудники разговаривают только через мегафон, и предметом разговора может являться лишь обсуждение условий безоговорочной сдачи. По той же причине звонарь не мог быть и человеком полковника Шведова, выполнявшим его поручение. Полковник – он тоже сотрудник... В общем, кругом – вопросы. Очень грустно. Я долго терялся в догадках, страдал от неизвестности и начал спать на полу, в противоположном углу от кровати: гася свет, я аккуратно сооружал на постели из одежды контуры человека, забирался с подушкой и вторым одеялом под стол и, вооружившись топором для разделки мяса, вполглаза дремал, вздрагивая от каждого шороха.

На мою просьбу снабдить меня автоматом и гранатами Кротовский изумленно вытаращил глаза и с минуту озабоченно морщил лоб и кусал нижнюю губу, стараясь уловить в моем взоре признаки помешательства – не иначе. Я успокоил его и сообщил, что времена ныне тревожные, а потому неплохо было бы позаботиться о собственной безопасности, но истинную причину своего беспокойства называть не считал нужным. Вдруг он сообщит об этом Белому и тот из-за внезапно возникших осложнений откажется заниматься моими проблемами? Короче, автомат Вовка зажал, но сказал, что по первому моему звонку сюда припрутся два десятка вооруженных «быков» и устроят всем, кому надо, веселую жизнь. На том и порешили. Я продолжал спать под столом, сжимая рукоятку топора, баритон каждую ночь около двух часов методично названивал и интересовался моими делами. А я, в зависимости от настроения, либо пытался выпытать у него, кто он такой, либо посылал его подальше и шел дремать и терзаться сомнениями. В конце концов меня посетила интересная мысль, за которую я ухватился, как за спасительную соломинку: наверняка это Кротовский дал Белому мой телефон и какой-то мужик по заданию бригадира названивает мне и нагоняет туман! Для чего? А чтобы не выкобенивался! Чтобы знал свое место и был благодарен по гроб за оказанную заботу и бригадирову ласку. Вот здорово! Такое объяснение одним махом все ставило на свои места и, пожалуй, самое главное – оно было логически единственно приемлемым. Больше ничего толкового я придумать не мог, а потому остановился на своей догадке и внушил себе, что так оно и есть на самом деле. Я не трепетал больше, когда в прихожей в два часа ночи раздавалась прерывистая трель, а выходил спокойно, солидно брал трубку и спокойно посылал баритона «в» и «на» детородный орган. Вот так...

Спустя десять суток Белому вновь потребовались мои услуги. Рано утром – я еще не успел приступить к зарядке – появился Кротовский и безо всяких объяснений повез меня к бригадиру, загадочно пожимая плечами и кривя рот на мои вопросы о цели визита.

По прибытии Белый вручил мне нулевую «эмвэшку»⁸ штучной работы, а к ней импортную оптику, глушитель и пять пачек целевых патронов и велел в течение двух часов освоить оружие так, чтобы я мог с тридцати метров без промаха попадать в мишень площадью 40—50 кв. см.

Вообще-то это задача для солдата-первогодка: я безо всякой тренировки и оптики попаду с такого расстояния в спичечный коробок. Однако армейская служба намертво отбивает желание проявлять дурную инициативу, а потому я добросовестно развлекался с винтовкой часа полтора, сжег четыре пачки патронов и под занавес – специально для бригадира – отстрелил одно за другим пять горлышек у молочных бутылок.

Удовлетворенный результатом, бригадир кратко посвятил меня в детали предстоящего мероприятия, и мы с Кротовским выдвинулись на его «Мазде» в окрестности заброшенного сталелитейного завода. Здесь в 11.00 должна была состояться «стрелка» между Белым и Примаком – бригадиром Центрального района. О содержании предстоящего «толковища» Белый

⁸ «Эмвэшка» – мелкокалиберная винтовка «МВ-1».

уведомить меня не считал нужным, сообщив лишь, что в последнее время Примак маленько оборзел и начал чересчур много брать на грудь – не по чину, а потому наш бригадир намеревался, как он выразился, «маленько вправить мозги сопляку».

Минут сорок мы с Вовкой сидели на пригорке в кустах, в полукилометре от завода, по очереди обозревая через двенадцатикратный бинокль подступы к объекту, лениво болтали о всякой всячине и грелись под вялыми лучами неласкового уже осеннего солнца.

В 10.30 прибыла боевая охрана Примака: полтора десятка серьезных мужиков на трех тачках, экипированных автоматами, помповиками и еще какой-то дребеденью. Мужики грамотно прочесали окрестности и оперативно заняли удобные позиции, рассевшись парами в разнообразных природных и технических сооружениях. Какой-то лохматый толстый дядька с косичкой потоптался пару минут на пяточке у административного корпуса – предполагаемом месте «стрелки», – поглазель по сторонам, прикладывая ладонь козырьком к бровям, довольно почесал задницу и, усевшись в «Тойоту», уехал прочь – за ним отвалили остальные машины.

Дав круг по лесополосе, примыкавшей к заводу, мы с Вовкой приблизились к заранее облюбованному пролому в заборе и минут пять сидели там, изучая особенности обстановки. Наиболее оптимальный вариант являла собой парочка, разместившаяся в полуразвалившейся беседке у складов: тополиная аллея надежно прикрывала ее от остальных охранников и одновременно давала нам возможность скрытно выдвинуться к месту проведения акции, от которого до пролома было около двадцати метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.